

# СТРАНЫ БРИКС В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лунев С.И.

Процессы глобализации начались со становлением мировой системы с конца XV — начала XVI в., когда последовала колониальная экспансия европейских метрополий вслед за эпохой великих географических открытий. По существу, эти процессы продолжают полтысячелетия, испытывая спады и подъемы, а за последнюю треть века они резко ускорились. Хотя обычно принято использовать единый термин «глобализация», следует признавать наличие по крайней мере 4 типов глобализации (экономическая, политическая, информационная и культурно-цивилизационная), для которых существуют своя специфика и тенденции развития.

1. За исключением информационной, наиболее быстро в последнее время развивалась **экономическая глобализация**. На рубеже 1970–80-х годов она понималась как нарастание взаимозависимости национальных экономик, при которой национальный процесс воспроизводства во все большей степени превращается в международный. При этом внешнеэкономические связи между национальными государствами с их хозяйствующими субъектами перерастают в экономические связи между хозяйствующими субъектами помимо национального государства. Сами же хозяйствующие субъекты начинают руководствоваться логикой мирового хозяйства, а не интересами национальной экономики.

Процесс глобализации был вызван как перестройкой в национальных экономиках и в мировом хозяйстве, так

и политическими причинами (ликвидацией иерархичности и юридического неравноправия в мировой системе, ликвидацией социалистического лагеря и т.п.). За последние 25 лет благодаря ослаблению или отмене имевшихся ограничений на внешнеэкономические связи темпы увеличения физического объема мировой торговли, прямых иностранных инвестиций, международных банковских кредитов, межстрановых финансовых потоков существенно превышали среднегодовой рост мирового ВВП (краткосрочный капитал — в 10 раз). В результате произошло значительное возрастание взаимозависимости национальных экономик. Между внутриэкономическими изменениями и глобализацией наблюдается сложная причинно-следственная связь: с одной стороны, сами внутренние изменения вызывали расширение взаимодействия с мировым рынком и мировым хозяйством, а с другой, только глобализация позволяла осуществить на практике структурную перестройку экономики развитых стран. Поэтому данный процесс в развитых странах может быть понят и объяснен лишь с учетом тесного взаимодействия развитых и развивающихся стран. Вместе с тем формы и масштабы перестройки определялись не только объективными факторами, но и давлением на развивающиеся и переходные страны международных экономических организаций.

Экономическая глобализация оказалась достаточно противоречивым процессом. Как известно, опережаю-

щими темпами она развивалась в финансовой сфере, под которой обычно понимаются потоки краткосрочного капитала. При этом степень открытости экономики развивающихся стран для перемещения этих капиталов оказалась чрезмерной, что наглядно показал финансовый кризис в Азии. Поэтому обсуждаются меры (в некоторых странах они уже приняты) по ограничению мобильности этих потоков, но такие действия могут замедлить или даже деформировать весь процесс глобализации.

Далее, как показывает эмпирический материал двух последних десятилетий, экономические связи всех видов развивались преимущественно между странами относительно сопоставимого уровня развития, т.е. многоплановые контакты — не только экономические — усиливались главным образом внутри группы развитых государств и небольшого числа примыкающих к ним вновь индустриализирующихся стран, а также внутри группы развивающихся стран, причем связи между последними росли опережающими темпами. В этом же направлении действует и региональная экономическая интеграция. В региональных интеграционных группировках наблюдается выход воспроизводства за национальные границы, но поскольку внутри группировки государства-члены обладают определенными преимуществами при перемещении капиталов, товаров и услуг, то происходит выход не на мировой, а на региональный рынок. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию и как промежуточный этап на пути глобализации, и как конечную цель, т.е. она может стать препятствием на пути

ее дальнейшего развития. В то же время наименее развитые страны, число которых постепенно растет, фактически выталкиваются из мировой экономики, оставаясь вне магистрального процесса. Иными словами, на нынешнем этапе глобализации наблюдается тенденция к нарастанию автономности развития двух подсистем мировой экономики, что, по-видимому, создает дополнительные основания для увеличения расхождения векторов мировой социально-экономической эволюции. Становление постиндустриального мира возможно лишь при наличии индустриальной периферии, а поддержание тесного и углубляющегося взаимодействия между ними возможно лишь на основе глобализации, которая, безусловно, является многоплановым процессом. Поэтому она основана на комбинированном взаимодействии множества различных факторов и подталкивается ими, а возрастание значения того или иного фактора может проявляться в изменениях ее масштабов, методов, скорости протекания и пр. Глобализация является продолжением процесса международного разделения труда, в свою очередь являющегося ее важнейшей составной частью.

В мире наблюдаются противоположные тенденции в макроэкономической и политэкономической областях. С одной стороны, произошло восстановление Азии как основного мирового экономического центра. В 1820 г. на долю США, Западной Европы, Канады и Австралии приходилось 25% общемирового национального продукта, а на долю Азии — 58%. В 1950 г. цифры были обратными: на Запад приходилось 56% мирового дохода, а на Азию — 19%. Уже

в начале постбиполярного периода доля Азии составила 33%, а Запада — 45%, а сейчас объем экономики Азии больше<sup>1</sup>. В соответствии с прогнозами Гарвардского университета, к 2025 г. на Азию придется 55–60% общемирового валового национального продукта, а на Запад — 20–30%<sup>2</sup>.

Диверсификация экономического роста ведет к сокращению удельного веса развитых стран, в том числе США, в мировом производстве. За полвека доля Соединенных Штатов в мировом ВВП упала почти в полтора раза. Она сократилась даже за 1990-е годы, хотя это был период крайне медленного роста в Западной Европе, стагнации в Японии и необычайно резкого падения производства в Восточной Европе, тогда как для Соединенных Штатов десятилетие было в целом благоприятным. Сейчас доля США в мировой экономике не превышает показателей, достигнутых перед первой мировой войной (немногим более 20%). Азиатские страны вышли в лидеры мирового производства, заняв места со второго по четвертое. Уже в середине первого десятилетия нового века Китай по размерам ВВП

по паритету покупательной способности обогнал Японию и вышел на второе место в мире (по данным аналитиков ЦРУ, 7,04 трлн в 2007 г., 10,5 трлн в 2010 г. и 12,6 трлн долларов в 2012 г., темпы роста за последние три года — 10,4%, 9,2% и 7,8%). Индия вышла на третье место в 2011 г. (4,492 трлн долларов, а в 2012 г. — 4,735; темпы роста за последние три года — 10,1%, 6,8% и 5,4%). На четвертом месте оказалась Япония — 4,617 трлн долларов в 2012 г. (ее темпы роста — 4,5% в 2010 г., 0,8% в 2011 г. и 2,2% в 2012 г.)<sup>3</sup>. В этом списке Россия занимает 6-е место (2,555 трлн долларов в 2012 г., темпы роста за 3 года — 4,5%, 4,3% и 3,4%), Бразилия — 7-е (2,394 трлн долларов в 2012 г., при падении темпов роста с 7,5% в 2010 до 0,9% в 2012 г.), а ЮАР — 25-е (592 млрд долларов, с темпами роста около 3%)<sup>4</sup>. По прогнозу крупнейших специалистов, международных организаций и бизнес-структур, в 2050 г. ВВП Индии будет равен объему эконо-

<sup>1</sup> Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris, Organization for Economic Cooperation and Development, 1995. P. 226–227; Мельянцев В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М.: Московский университет, 1996 [Melyantsev V.A. *Vostok i Zapad vo втором tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'*. М.: Moskovskij universitet, 1996]; Maddison A. *The World Economy. A Millennial Perspective*. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 2001; CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/>

<sup>2</sup> Radelet S. and Sachs J. *Asia's Reemergence // Foreign Affairs*. Vol. 76, N 6, Nov. — Dec. 1997. P. 46

<sup>3</sup> CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/> —

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html>

<sup>4</sup> CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/br.html> CIA. *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html>

номики США или чуть меньше, а Китай — почти в два раза больше<sup>5</sup>.

Политэкономические процессы представляются в целом гораздо более неоднозначными по сравнению с макроэкономическими. В течение последней четверти века на Западе стал появляться новый социально-экономический строй, пока не получивший единого названия (существуют термины «посткапиталистическое», «постэкономическое», «постиндустриальное», «информационное» общество и т.д.). Особо отметим, что возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики. Здесь утверждается «экономика, основанная на знаниях». Становление наукоемкого производства в странах Запада потребовало иного, неизмеримо более высокого качества подготовки производственного персонала.

В странах не-Запада (включая Россию) сейчас наблюдается процесс складывания индустриального способа. В прошлом во всем мире использовалась модель «догоняющего развития» и применялась на практике концепция «журавлиного клина». Развитые страны были заинтересованы в определенной модернизации стран Востока, и центр мировой системы постоянно испускал на периферию капиталистические импульсы. Основной проблемой, встаю-

щей сейчас перед зоной Востока, стала возможность переноса нового возникающего строя Запада. Учитывая кардинальную роль науки в процессе его образования, необходимо проведение анализа формирования системы современного научного знания в развивающихся обществах Востока, чтобы реально оценить перспективы будущего развития.

Исследования коэффициента интеллектуальности показывают превосходство китайцев над представителями европеоидной расы. Что касается Индии, то ей, по сравнению с подавляющим большинством государств бывшего третьего мира, свойственна качественно более высокая степень восприятия достижений новейшей технологии, умения населения пользоваться ими<sup>6</sup>. Это дает возможность Индии вырваться из порочного круга отсталости, осуществить экономическую модернизацию и встать на новую ступень НТР, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афро-азиатском мире.

В Китае и Индии существует реальное колоссальное уважение к науке и ученым. Большую роль сыграло государство в лице правящих кругов и социальных институтов. Опыт азиатских гигантов свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические

<sup>5</sup> См., например: World in 2050. BRICS and Beyond. Goldman Sachs Global Economics Group, 2007 ; The BRICs and beyond: prospects, challenges and opportunities. PricewaterhouseCoopers LLP, 2013. P. 2 ; Hawksworth J. and Cookson G. The World in 2050. Beyond the BRICs: a broader look at emerging market growth prospects. PricewaterhouseCoopers LLP, 2008 ; Kupchan Ch.A. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford University Press, 2012.

<sup>6</sup> Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / под ред. Н.А. Симония и Л.И. Рейснера. М. : Наука, 1984. С. 419 [Evolutsiya vostochnykh obshchestv: sintez traditsionnogo i sovremennogo / pod red. N.A. Simoniya, L.I. Reisner. M. : Nauka, 1984. S. 419].

сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. В 2008 г. в Китае на получение патента подали заявку немногим менее 200 тыс., третье место в мире (для сравнения: в США — менее 232 тыс., в Германии — менее 50 тыс., в Великобритании — менее 17 тыс., во Франции — менее 15 тыс.)<sup>7</sup>. В 2008 г. Китай вышел на первое место в мире (более 381 млрд долларов) по экспорту высокотехнологической продукции (для сравнения: экспорт данной продукции США оценивался в 231 млрд, Германией — в 162 млрд, Францией — 93 млрд, Великобританией — 61 млрд долларов)<sup>8</sup>.

В Китае и Индии наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатских гигантов. Если они серьезно отстают от Запада и России по развитию фундаментальных исследований, то в сфере высоких технологий уступают лишь Соединенным Штатам, причем разрыв постоянно сокращается.

Колоссальных успехов в этой области за последнее время добился Китай. Первоначально, после начала экономической реформы в 1978 г., Пекин сделал ставку на импорт иностранных технологий, причем местные технологии воспринимались самими властями имманентно уступающими западным об-

разцам. При этом КНР унаследовала советскую систему организации отраслевой науки: исследования были почти полностью сконцентрированы в государственных институтах, которые обращали мало внимания на потребности местной промышленности, а та в свою очередь долгое время воспринимала отечественные технологии как отсталые. По мере вступления в процессы экономической глобализации отношение в Китае к высоким технологиям стало радикально меняться.

По точным и естественным наукам, которым государство в КНР отдает приоритет, страна вскоре начнет опережать США. Так, в 1983–1984 гг. было защищено 3404 работы, в 1993–1994 гг. — 3852, в 2003–2004 гг. — 6316<sup>9</sup>, в 2010–2011 гг. — 8900, а к 2020 г. их должно быть, по оценкам, 20 тыс.<sup>10</sup> В Соединенных Штатах эта цифра стабильно колеблется в пределах 25–27 тысяч, но 40% не являются гражданами страны. Если в США доля бакалавров, получивших научное звание по точным и естественным наукам, составляет треть всех выпускников, то в КНР — около 60%. По их количеству в начале века Китай догнал Соединенные Штаты, а к концу десятилетия опередил почти в 4 раза<sup>11</sup>.

За последние 15 лет резко возросли вложения в НИОКР. В 1996 г. они оценивались в 20 млрд долларов, в 2002 г. —

<sup>7</sup> World Bank official site. Patent applications, residents. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RES>

<sup>8</sup> Официальный сайт Мирового банка — High-technology exports (current US\$). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD>

<sup>9</sup> Agarwal P. Higher Education in India: the Need for Change. Working Paper № 180. New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations, June 2006. P. 61.

<sup>10</sup> Nayar A. Developing world: Educating India // Nature (London). 2011. № 472. P. 26.

<sup>11</sup> China's High Technology Development Hearings before the U.S. — China Economic and Security Review Commission. P. 223–224.

в 72 миллиарда<sup>12</sup>, в 2006 г. — в 86,8 миллиарда<sup>13</sup>, в 2009 г. — в 121,4 млрд (третье место в мире, после США и Японии)<sup>14,15</sup>. Доля Китая в мировых расходах на НИОКР составила 7,6% (доля России — 1,9%, Индии — 1,8%)<sup>16</sup>.

В 2006 г. Пекин объявил о Национальном среднесрочном и долгосрочном плане развития науки и технологий. В декабре 2010 г. был принят 12-й пятилетний план, в соответствии с которым Китай должен обеспечить себе мировое лидерство по семи сферам («стратегическим возникающим отраслям»): альтернативная энергетика, биотехнологии, информационные технологии нового поколения, высококачественное производственное оборудование, передовые материалы, автомобили с альтернативным топливом и новые энергетические технологии. На эти цели запланировано потратить 1,5 трлн долларов (5% ВВП), а задачей является, чтобы вклад этих отраслей в китайскую экономику составил 15% к 2020 г.<sup>17</sup> При этом в последнее время Пекин объявил, что стремится к снижению своей зависимости от импорта высоких технологий и доведению ее доли с 50% до 30% к 2020 г.<sup>18</sup>

<sup>12</sup> Ibid. P. 225.

<sup>13</sup> OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008 Highlights. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/18/32/41551978.pdf>

<sup>14</sup> Global Investment in R&D // UIS Fact Sheet, August 2011, No 15. P. 1. UNESCO Institute for Statistics. URL: [http://www.uis.unesco.org/FactSheets/Documents/fs15\\_2011-investments-en.pdf](http://www.uis.unesco.org/FactSheets/Documents/fs15_2011-investments-en.pdf)

<sup>15</sup> Южная Корея занимает 6-е место, Россия — 8-е.

<sup>16</sup> OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008...

<sup>17</sup> China Mulls \$1.5t Boost for Strategic Industries // China Daily, December 3, 2010.

<sup>18</sup> Segal A. Chinese Technology Policy and American Innovation. Testimony before the U.S. — China Economic and Security Review

Уже к 2007 г. в Китае появилось 499 технологических центров национальных предприятий и 4023 технологических центра провинциальных предприятий (инвестиции в них превысили 300 млрд долларов). Появилось и 54 национальных высокотехнологических парка (48 тысяч предприятий, 6,5 млн занятых)<sup>19</sup>. Следует отметить реальные достижения КНР в развитии таких ключевых отраслей, как нанотехнологии и биотехнологии.

Следует отметить, что в последнее время в Китае резко изменилось отношение к отечественным технологиям, а к инновациям толкает сам бизнес. Характерно, что в 2007 г. опросы показали, что 54% китайских компаний считают модернизацию производства ключевой задачей (в США — 24%)<sup>20</sup>. Предприятия сами начали активно развивать НИОКР, в чем им активно помогало государство. Правда, пока им, с точки зрения развития технологий и проведения опытных работ, еще далеко до Запада. Сохранились и проблемы во взаимоотношениях предприятий с государственными научными институтами и университетами.

Цифры по Индии выглядят скромнее, но следует выделить колоссальный скачок, который осуществила страна в сфере информационных тех-

Commission on China's technology policies, US. Congress, July 15, 2011. URL: <http://www.cfr.org/china/chinese-technology-policy-american-innovation/p25295>

<sup>19</sup> Research Report on Chinese High-Tech Industries. U.S. China Economic and Security Review Commission. January 2009. P. 7–8. URL: [http://www.uscc.gov/researchpapers/2009/Research\\_Report\\_on\\_Chinese\\_High\\_Tech\\_Industries.pdf](http://www.uscc.gov/researchpapers/2009/Research_Report_on_Chinese_High_Tech_Industries.pdf)

<sup>20</sup> China's High Technology Development Hearings before the U.S. — China Economic and Security Review Commission. P. 293.

нологий. Если в 1990–1991 фин. г. валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила 50 млн долларов<sup>21</sup>, то в 2003–2004 фин. г. — почти 15 млрд долларов, а в 2010–2011 фин. г. — почти 90 млрд долларов<sup>22</sup>. Был выбран экспорт-ориентированный путь, и экспорт программного обеспечения составил 480 млн долларов в 1995 г.<sup>23</sup>; 4,2 млрд долларов в 2002 г.<sup>24</sup>; 31,3 в 2006–2007 фин. г.<sup>25</sup>; 50 в 2009–2010 фин. г.; 59 млрд долларов в 2010–2011 фин. г.<sup>26</sup> и 75,8 млрд в 2012–2013 фин. г.<sup>27</sup> По этому показателю Индия занимает второе место в мире после США. Доля программного обеспечения в общем экспорте Индии составила 20% в 2011 г., а в валовом внут-

реннем продукте Индии доля сектора составляла в 1999–2000 фин. г. 1,2%; в 2010–2011 фин. г. — 6,4%<sup>28</sup>; 8% в 2012–2013 фин. г.<sup>29</sup> Очень резко выросла занятость в сфере информационных технологий. Если в 1999–2000 фин. году здесь работали 284 тыс. человек, то в 2007 г. — почти 2 миллиона<sup>30</sup>, а в 2011 г. — 2,5 млн (косвенным образом с сектором было связано еще 9 млн рабочих мест)<sup>31</sup>.

Еще в 1998 г. была поставлена задача превращения страны в мирового лидера в области информационных технологий. Формы поддержки данной сферы индийским правительством разнообразны: введение единых норм для деятельности, создание льготного налогового режима, направление всех ресурсов научно-исследовательского комплекса страны, в том числе и за счет государства, на содействие информационной сфере. Государство приняло специальные меры для привлечения капиталовложений. От налогов освобождены 90% прибылей, получаемых от экспорта программного обеспечения. Если речь идет о предприятиях, полностью ориентированных на экспорт (EOU), то вся их прибыль не облагается налогами. Разрешен вывоз всех сделанных инвестиций и 100% прибыли, если капиталовложения были сделаны в конвертируемой валюте. Отменены любые пошлины на многие конкретные товары и весь импорт программного обеспечения. Специальные льготы предо-

<sup>21</sup> Parthasarathi A. Tackling the brain drain from India's information and communication technology sector: the need for a new industrial, and science and technology strategy // *Science and Public Policy*, 2002, 29 (2). P. 129.

<sup>22</sup> Information Technology. Annual Report. 2010–2011. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2011. P. 1.

<sup>23</sup> Information Technology. Annual Report. 2002–2003. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2003.

<sup>24</sup> Национальная Ассоциация индийских компаний по производству информационных технологий и сопутствующих услуг. URL: [http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat\\_id=314](http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat_id=314) [Natsional'naya assotsiatsiya indijskikh kompanij po proizvodstvu informatsionnikh tekhnologij i soputstvuyuschikh tovarov. URL: [http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat\\_id=314](http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat_id=314)].

<sup>25</sup> Information Technology. Annual Report. 2006–2007. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007. P. 2.

<sup>26</sup> Information Technology. Annual Report. 2010–2011. P. 1.

<sup>27</sup> Electronics and Information Technology. Annual Report. 2012–2013. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Electronics and Information Technology, 2013. P. 1.

<sup>28</sup> Information Technology. Annual Report. 2010–2011. P. 2.

<sup>29</sup> Electronics and Information Technology. Annual Report. 2012–2013... P. 1.

<sup>30</sup> Information Technology. Annual Report. 2006–2007. P. 3.

<sup>31</sup> Information Technology. Annual Report. 2010–2011. P. 2.

ставляются фирмам, занимающимся научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью<sup>32</sup>.

Помимо этого, автоматически одобряются любые прямые иностранные инвестиции, соглашения о поставках иностранной технологии. Разрешено 100-процентное участие иностранного капитала в предприятиях, работающих на экспорт. В результате объем иностранного капитала в сфере информационных технологий достиг 2 млрд долларов<sup>33</sup>. Индийское правительство особое внимание уделяет созданию специальных экономических зон, включая как многопрофильные, так и специальные экономические зоны, в том числе для информационных технологий. Здесь предприятия полностью освобождены от налогов сроком на 5 лет, а в последующие 5 лет предприниматели оплачивают лишь половину налогов<sup>34</sup>.

Огромную роль играют парки программных технологий, которые на 100% являются экспортоориентированными (на них приходится 80% всего экспорта ПО). Их создание является важнейшим достижением индийского правительства, поскольку они сыграли ключевую роль в развитии информационных технологий. Модель парков опирается на позитивные отношения в треугольни-

ке правительство — бизнес — наука / образование (университеты), а ключевым выступает принцип инкубатора, когда каждая сторона выполняет свою роль в поощрении исследований, капиталовложений и развития. Государство при этом играет уникальную роль катализатора, чтобы соединить усилия государственных, частных, научных и иностранных органов и учреждений. Очень большой вклад в индийские достижения в сфере информационных технологий внесли региональные власти. Специальные льготы существуют на уровне штатов, которые разработали специальные стимулы для привлечения инвестиций<sup>35</sup>.

Если сравнивать политику индийского государства в сфере высоких технологий с ее общим курсом в экономической области, то заметна особая приоритетность, которая придается высокотехнологической сфере. Более того, она является по существу и наиболее либеральной областью экономики.

Помимо деятельности правительства, привлечению иностранных инвестиций в Индию в сфере информационных технологий способствует несколько факторов. Следует в первую очередь отметить, что в стране существует значительный слой интеллектуалов, способных эффективно работать в прикладной науке и в сфере высоких технологий. Значимым преимуществом для индийцев — при сравнении с жителями других незападных стран — является свободное владение английским языком, который является в Индии

<sup>32</sup> Ibid. P. 3.

<sup>33</sup> В 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. — второй державой, а получала прямых иностранных инвестиций по 5–5,5 млрд долларов в год, менее 1% мировых заимствований (2005 Foreign Direct Investments Confidence Index. Global Business Policy Council. 2005, vol. 8. URL: [http://www.atkearney.com/shared\\_res/pdf/FDICI\\_2005.pdf](http://www.atkearney.com/shared_res/pdf/FDICI_2005.pdf)).

<sup>34</sup> Information Technology. Annual Report. 2006–2007. P. 7.

<sup>35</sup> Бизнес в Индии. New Delhi: Ernst & Young Private Limited, 2006. P. 42. [Biznes v Indii. New Delhi: Ernst & Young Private Limited, 2006. P. 42.]



официальным языком, наряду с хинди (на последнем, включая диалекты, говорит менее половины жителей страны). Учитывая значение английского языка для пользователей информационных технологий, понятно преимущество индийцев, получавших образование на этом языке. Некоторые эксперты отмечают, что двенадцатичасовая разница во времени между США и Индией также сказывается позитивно, поскольку можно привлекать к работе индийских специалистов, когда в США наступает ночь<sup>36</sup>. Свою роль играет, конечно, и относительно невысокая оплата труда индийских специалистов.

Основной проблемой, вставшей сейчас перед Китаем и Индией, стала возможность развития по модели стран ОЭСР. По всей видимости, азиатские гиганты не смогут перейти на постиндустриальную фазу развития по внутренним объективным социально-экономическим причинам в обозримом будущем. Наличие огромного массива неквалифицированного (а в Индии — и неграмотного) населения не позволяет им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т.д.); не случайно большинство технологических достижений носит «экспорториентированный» характер, а научно-технологические «заповедники» часто выглядят как анклав. Помимо этого, общее число научных исследователей весьма велико в странах, но относительные цифры показывают недостаточное развитие

науки. Концентрация внимания на конкретных сферах позволяет державам добиваться впечатляющих успехов, но обеспечить всестороннее равномерное развитие в сферах науки и высоких технологий им не удастся в обозримом будущем.

Для Индии крайне сложной социальной проблемой является кастовая. Существование кастовой системы в течение тысячелетий привело к совпадению социального и экономического статуса, а бедные в своей подавляющей массе происходят из традиционно бедных страт общества (система была, конечно, достаточно гибкой: случалось как возвышение каст, так и их «падение»). Кастовая дискриминация была отменена законом полвека назад, но кастовая система сохраняется, хотя многие эксперты полагают, что происходит ее размывание<sup>37</sup>. Процесс глобализации и индийская политика либерализации могут только способствовать развитию данной тенденции. С точки зрения чисто гуманистических взглядов, кастовую систему можно называть «пережитком далекого прошлого» и тормозом на пути демократического развития. Но с практической точки зрения, она по-прежнему играет важнейшую роль, железным обручем стягивая самое гетерогенное в мире общество и играя важнейшую роль в плане смятения социальной напряженности.

Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать этатистско-эгалитарной, то в Индии

<sup>36</sup> Saxenian A.L. Bangalore: The Silicon Valley of Asia? P. 10.

<sup>37</sup> См., например: Куценков А.А. Социальный индуизм // Древо индуизма / под ред. Глушковой И.П. М. : Восточная литература, 1999. С. 441–442. [Kutsenkov A.A. Sotsial'niy induizm // Drevo induizma / pod red. Glushkovej I.P. M. : Vostochnaya literatura, 1999. S. 441–442.]

(в которой государство еще в древности было несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития, как отмечалось, — элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у бывших неприкасаемых за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской и китайской цивилизаций: заметно существенное превосходство Китая в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования. Более того, до конца прошлого века она значительно превосходила Китай, но тот совершил колоссальный скачок в новом веке. По данным Департамента среднего и высшего образования Министерства образования Индии, в 2007 г. в Индии было уже 259 университетов. В них и в колледжах учились 9,95 миллиона студентов и преподавали

более 450 тыс. человек<sup>38</sup>. В 2011 г. в Индии насчитывалось уже 544 университета — 261 университет штатов, 73 частных университета штатов, 42 центральных университета, 33 образовательных учреждения общегосударственного значения, 5 вузов, учрежденных законодательными властями штатов, 130 институтов, которые считаются университетами. Количество колледжей равнялось 31 324 (3432 — женских)<sup>39</sup>. Высшим образованием сейчас охвачено 12% индийской молодежи, и правительство ставит задачу довести эту цифру до 30% к 2025 г. В элитные заведения допуск ограничен — в 15 технологических институтов (Indian Institutes of Technology), занимающих особое положение в системе технических вузов и где акцент сделан на информационные технологии, ежегодно пытаются поступить 300 тысяч человек, но из них принимают только 2% (для сравнения: в Гарвардский университет зачисляют 7% абитуриентов)<sup>40</sup>. За год в Индии выпускают около 500 тысяч молодых инженеров. Качество высшего образования в стране выше, чем в КНР. Так, опросы крупнейших ТНК показали, что они согласны принять на работу одного из четырех выпускников индийских инженерных вузов и лишь одного из 10 китайских<sup>41</sup>.

<sup>38</sup> URL: <http://www.education.nic.in/higedu.htm>

<sup>39</sup> Ministry of Human Resource Development, Gov. of India. Department of School Education & Literacy and Higher Education. Annual Report. 2010–2011. New Delhi: Dolphin Printo Graphics, 2011. P. 3.

<sup>40</sup> Nayar A. Developing world: Educating India // Nature (London). 2011. № 472. P. 25.

<sup>41</sup> McKinsey Global Institute. The Emerging Global Labor Market. October 2005.

Но существуют очень острые проблемы в отношении доступа к высшему образованию: выходцы из самого богатого сословия, которое составляет 20% населения, имеют в 14 раз больше шансов получить его по сравнению с представителями наиболее бедного квинтиля<sup>42,43</sup>. Достаточно невысок и показатель эффективности рынка труда, что связано с тем, что под ним понимаются не только затраты на единицу труда, но и многие другие показатели, включая гендерные (само индийское правительство и не скрывает наличия социально-экономической дискриминации женщин<sup>44</sup>).

Уступая очень многим странам по доле расходов на образование в государственном бюджете, Индия находится среди лидеров по расходам на высшую школу (18% среди всех расходов на образование; в Японии эта величина равна 14%, в Южной Корее — 13, в Италии — 17%)<sup>45</sup>. На 2011/2012 фин. г. на высшее образование в бюджете были заложены расходы на одну треть больше, чем в предыдущем году<sup>46</sup>. По мне-

нию министра человеческих ресурсов и развития Капила Сибала, к 2020 г. для реализации потребностей страны необходимо открыть дополнительно 800–900 университетов и 40–45 тысяч колледжей<sup>47</sup>.

Таким образом, перспективы развития азиатских гигантов по траектории, намеченной Западом, представляется маловероятными. Более того, ныне Западу выгодно «подмораживание» экономических и социально-экономических процессов на Юге, и центр не испускает на периферию импульсы для развития по пути Запада. Иными словами, стадиальный разрыв между новым строем и капитализмом на периферии может сохраняться более длительное время, чем между капитализмом и до-капитализмом.

При этом России необходимо извлечь уроки из опыта азиатских гигантов в области развития высоких технологий, поскольку они, изначально находясь в гораздо худшем положении, уже на порядок опередили РФ. Всем очевидно, что пребывание России в положении «деревни» Севера или Юга, с перекачкой туда всевозможных ресурсов (сырья, финансов, наиболее квалифицированной рабочей силы и т.д.), будет вести лишь к постепенной деградации страны. Существует много ограничений и для традиционно индустриального пути: невысокая конкурентоспособность базовой страты рабочей силы; неблагоприятные климатические и географические условия, из-за которых стоимость единицы продукции возрастает на 10–15%<sup>48</sup>, и т.д.

<sup>42</sup> Perspectives on Poverty in India... P. 169.

<sup>43</sup> Выходцы из низших страт сами пытаются переломить ситуацию. Мультимиллионер А. Агарвал, не получивший должного образования, основал в штате Орисса огромный университет для обучения юношей и девушек из низов.

<sup>44</sup> В 2010 г. женщины составляли лишь 18,6% лиц с полной занятостью и регулярной зарплатой в несельскохозяйственном секторе (Central Statistical Organization, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. Millennium Development Goals, India Country Report, 2011. New Delhi, 2011, Annex 3. P. 12).

<sup>45</sup> Human Development Report. 2007/2008... P. 265–267.

<sup>46</sup> Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A. & Yahia M. Education: The PhD factory // Nature (London), 20 April 2011. No. 472. P. 279.

<sup>47</sup> Nayar A. Developing world... P. 25.

<sup>48</sup> Более подробно см.: Лунев С.И. Чего стоит Сибирь? // Международные процессы.

Из европейских столиц Москва лежит в самой суровой климатической зоне. Даже Хельсинки расположен в более теплом климате. А уж на Урале и в Сибири, с точки зрения рыночной экономики, вообще бессмысленна какая-либо экономическая деятельность, за исключением добычи сырья. Страна может совершить прорыв в постиндустриализм, лишь придерживаясь стратегии развития человеческого потенциала, технологически сложных и наукоемких отраслей, а также повышения роли науки в производстве.

Россия, как и подавляющее большинство стран не-Запада, строит традиционный капитализм (в новых условиях — с национальной спецификой). В стране сейчас довольно слабое государство и чрезмерно влиятельная бюрократия, долгое время преследовавшая почти исключительно личные, а не государственные и национальные, интересы. В результате наукоемкое производство действует в крайне искаженном правовом пространстве, мало содействующем процветанию инновационной деятельности. Следует особо отметить два самых слабых звена: явно недостаточную материализацию научных достижений в технологии и ноу-хау, а последних — в готовые изделия. Как хорошо известно, все это существовало и в советский период из-за негибкости системы. Однако все-таки была определенная взаимосвязь в цепочке Академия наук — отраслевые институты — КБ. Последние два элемента попросту рухнули в постсоветское время.

По-видимому, для России должен быть особо интересен позитивный

опыт Азии в научно-технической сфере по двум направлениям: роль государства (полномасштабное содействие развитию технологий, прежде всего в деле поощрения экспорта и прямых иностранных вложений; предоставление налоговых, кредитных и прочих льгот инновационному бизнесу и наукоемкому производству) и привлечение интереса бывших соотечественников к развитию взаимовыгодных связей с прежней родиной.

Западные государства не будут способствовать появлению нового мощного конкурента. Крайне привлекательно выглядит перспектива соединения российской научной мысли (и ее ресурсов) с корейской и китайской инженерной мыслью (что уже происходит в военной сфере) и с достаточно качественной и недорогой китайской рабочей силой. Полученный продукт имел бы и огромный рынок сбыта: Большая Восточная Азия имеет наиболее высокие в мире долговременные темпы роста, и там постоянно растет покупательная способность населения. Такое сотрудничество и объемы рынков могут привлечь дополнительные иностранные инвестиции. Наиболее перспективными областями сотрудничества в сфере высоких технологий представляются в первую очередь информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии, космические исследования. В случае реализации подобного сценария произойдет достаточно парадоксальная вещь: проведение преобразований в России в целях стадийного сближения с Западом будет осуществлено на основе развития политических и экономических связей с Востоком.

---

2004. № 1. [Lunev S.I. Chego stoit Sibir'? // Mezhdunarodnye protsessy. 2004. No. 1.]

Технологические прорывы в Азии идут рука об руку с процессами модернизации. Хотелось бы обратить внимание, что страны одновременно пытаются сохранить специфику своих моделей политического и экономического развития. Интересно, что при вступлении в ВТО азиатские гиганты выторговали себе намного лучшие условия длительного льготного протекционистского периода, необходимого для постепенной подготовки к мировой конкуренции.

Эволюционность и постепенность, имманентно присущие индийской и особенно китайской цивилизациям, несогласие с диктатом Севера и отказ идти у него на поводу характеризуют основной ход экономических реформ в азиатских гигантах. Напротив, Россию в XX веке отличал необыкновенный радикализм.

Именно мгновенное открытие экономики России внешней конкуренции после распада СССР в 1991 г. и революционность методов (наряду с переходом от плановой к рыночной экономике, распадом экономических связей в рамках бывшего СЭВ и СССР, структурной перестройкой экономики, а также грубыми ошибками при проведении реформ) вызвали глубокий и затяжной экономический и социальный кризис.

В процессе адаптации к проблемам экономической глобализации азиатские гиганты часто идут по сходному пути, прежде всего в социально-экономической и международной сферах. В Китае и Индии возникает новое соотношение форм собственности, включающее государственную, смешанную государственно-частную, кооперативную, частную и форму, которую условно можно назвать кланово-конфесси-

ональной. Отсутствие доминирующей или быстро растущей формы собственности обуславливает определенную автономность государства, относительную независимость его от различных сил. Объективная ситуация требует наличия сильного государства, координирующего взаимодействие укладов, поддерживающего национальное предпринимательство и связывающего воедино огромную экономику и более чем миллиардное население. Даже в Индии, где государство традиционно было очень слабым, оно стало ключевым актором. Подобная схожесть в отношении данного параметра чисто внешне может показаться парадоксом, поскольку у стран существуют совершенно разные культурно-цивилизационные модели: элитарная (в Индии) и эгалитарная (в Китае); коллективистская (в Китае и Японии, где государство было традиционно очень сильно) и «срединная» в Индии, т.е. развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского (приоритет групповых интересов над индивидуальными) и индивидуалистского (признание приоритета личных интересов) векторов.

Среди чисто экономических версий современных успехов азиатских гигантов следует отметить эффект преимуществ, вытекающих из относительно низкого уровня цен внутренних рынков в сравнении со среднемировыми на значительную часть товаров повседневного спроса — в сочетании с масштабами хозяйств и высокой степенью их диверсификации. Фундаментальным обстоятельством, общим для данных государств, является, по-видимому, тот факт, что ни одно из них не может решить главных проблем развития

за счет преимущественной опоры на внешние факторы, что хорошо осознается в Китае и Индии. Опыт обеих азиатских держав показывает, что опора на внутренний рынок, даже при активной экспортной стратегии или без нее (экспортная квота Китая намного выше), способна обеспечить устойчивое экономическое развитие. При этом достаточно конкурентоспособны многочисленные промежуточные сферы хозяйства, растущие из традиционного сектора (поселковая промышленность в КНР, сельская индустрия в Индии). Обе страны активно поощряют мелкое предпринимательство как фактор экономического и социального развития. Мелкие и средние предприятия развиваются во всех сферах хозяйства. За счет увеличения занятости в сфере услуг в городах в Индии и Китае снижается острота проблем безработицы. Малые предприятия активно участвуют в создании экспортного потенциала. В азиатских государствах создана государственная система умеренной и избирательной защиты внутреннего рынка, планомерной адаптации к внешнему воздействию и стимулирования экспорта продукции обрабатывающей промышленности в качестве последовательных или параллельных стадий экономической стратегии. Весьма сходны действия властей при осуществлении экономической либерализации, которой КНР занимается с 1978 г., а Индия — с 1991 г.: градуализм, эволюционность и строгий государственный контроль над преобразованиями.

При этом обе страны пытаются извлекать уроки из опыта соседей. Так, сразу после начала мирового экономического кризиса в КНР была соз-

дана специальная комиссия по изучению стратегии опоры на свои силы в Индии, а Дели стал заимствовать китайскую политику создания специальных экономических зон для расширения экспорта.

Уже отмечалось, что главный инструмент Запада в обеспечении своей экономической монополии — финансы. Поэтому в этой сфере Китай и Индия проявляют наибольшую неуступчивость. Западные финансовые институты находятся под жестким контролем. Пекин не идет на серьезные уступки в отношении курса юаня, несмотря на колоссальное давление со стороны США. При этом следует отметить достаточно высокий рейтинг азиатских гигантов. В «Докладе о мировой конкурентоспособности» за 2013–2014 гг. Индия по развитию финансового рынка заняла 30-е место, КНР — 38-е (Бразилия — 44-е, а Россия — 89-е)<sup>49</sup>. Хотелось бы отметить, что Китай занимает первое место в мире по количеству свободных золотовалютных резервов, а Россия — третье. Как отмечал В.М. Давыдов, Гонконг/Сянган резко укрепляет позиции КНР на мировом финансовом рынке<sup>50</sup>, а в последнее время Шанхайская биржа сокращает свое отставание от Гонконгской. По мнению М.Я. Бергера, финансовая сфера станет самым главным полем для борьбы. В настоящее время Китай предпринимает очень интересные и продуктивные шаги: отказавшись

<sup>49</sup> The Global Competitiveness Report. 2013–2014 / ed. by Klaus Schwab. World Economic Forum: Geneva, 2011.

<sup>50</sup> Интервью с директором Института Латинской Америки РАН В.М. Давыдовым от 24 апреля 2013 г. [Интерв'ю s direktorom Instituta Latinskoj Ameriki RAN V.M. Davydovym от 24 aprelya 2013 g.]

от конвертации юаня, Пекин конвертирует валютные активы и открывает эту сферу для индивидуальных инвесторов. Данный процесс будет очень долгим и крайне напряженным, но Китай станет ледоколом, пробивающим брешь в современной мировой финансовой системе, а остальные валюты будут следовать этому же курсу по мере ослабления доллара, который уже не выдерживает той нагрузки, которая на него ложится<sup>51</sup>. Декларации же России о возможном превращении Москвы в мировой финансовый центр пока вообще не наполнены реальным содержанием. Совместные действия в рамках БРИКС должны принести огромную выгоду ее странам и в плане укрепления положения в международных экономических организациях, и в плане ослабления валютного давления на них.

БРИКС пытается сопротивляться и другим аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. В этом плане БРИКС мог бы стать для его участников ключевым партнером и для укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных проектов. БРИКС может быть полезным для тех направлений двусторонних отношений, которые являются «сквозными» для всех участников клуба. Однако особо следует выделить экономические отношения в рамках треугольника Россия — Китай — Индия, реализация которых облегчается соседством стран в

Евразии. Учитывая как серьезные опасения Пекина по поводу вхождения Индии в создаваемое США «окружение Китая», так и начавшееся сотрудничество России, Китая и Индии в рамках БРИКС, следует предложить КНР проекты по активизации экономического сотрудничества в треугольнике Россия — Индия — Китай. При этом, естественно, речь не может идти об автаркии от Запада, от выстраивания с ним самых тесных экономических связей, в первую очередь связанных с получением и адаптацией высоких технологий.

Экономическая глобализация, ставя в более выгодные условия конкретные страны и социальные группы и ухудшая положение других стран и страт, обострила социальные проблемы во всем мире. Именно с социальным протестом в первую очередь связана «арабская весна». В Восточной Азии пока нет заметного социального протеста, однако отметим, например, рост внутреннего социального напряжения в Китае. Митинги протеста в Индии собирают сотни тысяч людей, будь то коррупционные скандалы или насилие в отношении женщин. Более миллиона людей приняли участие в антиправительственных демонстрациях в более чем 100 городах по всей Бразилии в июне 2013 г. Постоянно вспыхивают волнения в ЮАР. В связи с тем, что в новом веке практически перестали работать социальные лифты, в России также наблюдается резкое недовольство, прежде всего среди молодежи. Прошедшие в 2010 г. молодежные волнения на Манежной площади в Москве обозреватели рассматривают сквозь призму роста национализма. Однако представляется,

<sup>51</sup> Интервью с главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН М.Я. Бергером от 15 мая 2013 г. [Interv'yu s glavnyim nauchnym sotrudnikom Instituta Dal'nego Vostoka RAN M.Ya. Bergerom ot 15 maya 2013 g.]

что это касается в первую очередь формы выражения, а содержанием выступлений являлся социальный протест. Недовольство уже среднего класса проявилось в многотысячных манифестациях в 2011–2012 гг. Очень остро стоит данная проблема и на Западе. Если ранее, вследствие перераспределения доходов в пользу низших слоев населения, стала постоянно снижаться поляризация распределения доходов, то за последнее время доля средних слоев населения (а это 70% западного общества) в ВВП начала сокращаться, при резком приросте доходов у верхних групп. Социальная волна протестов накрыла не только всю Западную Европу, но и США, где сотни тысяч людей участвовали в 2011 г. в демонстрациях протеста против антипрофсоюзных законов (только в Мэдисоне, столице штата Висконсин, в нескольких демонстрациях принимало участие более 100 тыс. человек). Можно ожидать лишь активизацию социального протеста, особенно с учетом того, что западный рынок труда перестал, по существу, нуждаться в квалифицированных кадрах, здесь требуются почти исключительно неквалифицированные и высококвалифицированные работники.

По масштабности социальных проблем Россия среди других стран БРИКС, в принципе, находится в наилучшем положении, хотя и здесь проблема чрезвычайно остра. Хотя в новом веке удалось резко улучшить показатели по бедности, безработице, ожидаемой продолжительности жизни, советский уровень социального благополучия по-прежнему является недостижимой мечтой. Социальные разрывы в последнее время даже выросли.

Хотя больше стал слой населения, которому доступно потребление по среднему стандарту (приобретение товаров длительного пользования или наличие сбережений, сопоставимых с ценами на эти товары; регулярный отдых; пользование платными услугами), его доля остается очень низкой. Развитие государственно-капиталистического уклада в современной России специфически консервирует «протосредний» класс (наследие советского периода), который представлен в основном государственными служащими. Появление капиталистического уклада способствует формированию нового среднего класса, который уже отчасти сопоставим со своим западным аналогом. Но поскольку капитализм в России формируется преимущественно сверху, то возможности роста среднего класса оказываются необычайно ограниченными. Вместе с тем, если на Севере модифицировались и эволюционировали низшие слои, то развитие капиталистического уклада в России, напротив, происходит в формах, способствующих увеличению численности и деградации таких слоев, что расширяет пространство (социальное, демографическое и т.д.), не способное порождать средние слои. Один из парадоксов российской действительности состоит в том, что «новые» средние слои (торгово-посредническая прослойка, «деловой мир» в его специфически российском виде и т.д.) фактически представляют собой элемент традиционной социальной структуры, а размывающиеся «старые» (научные работники, инженеры и т.д.) — часть общества, олицетворяющую интеллектуальный потенциал общества и научно-технический прогресс.



По-видимому, улучшение (ухудшение) показателей человеческого потенциала в отдельных странах непосредственно связано как раз с увеличением (уменьшением) численности средних слоев.

В Индии существуют самые разные оценки численности среднего класса из-за различий в применяемых методиках. В докладе Глобального института Маккинси утверждалось, что в 2005 г. лишь 50 млн человек относились к нему, а Мировой банк называл цифру в 264 млн человек. При этом западные эксперты предсказывают колоссальный рост численности среднего класса: даже по прогнозу «скептического» Глобального института Маккинси, в 2025 г. он составит 500 млн человек<sup>52</sup>. Начинает существенно расти и доля среднего класса в Китае.

Решение социальных проблем зависит не от политической воли элиты, а от активности населения, поскольку правящие слои никогда не пойдут на политику самоограничения и уступок большинству без самого жесткого нажима снизу.

**2. Политическая глобализация** развивается гораздо менее успешно. Более того, складывается впечатление, что тенденции ее развития имеют понижаемые параметры. Так, На Юге появилась «серая зона» (в которой проживает около шестой части всего человечества), за которую основные мировые центры (в первую очередь США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности и где не действуют общие зако-

номерности развития системы. Эти 40–50 государств не имеют потенциала для позитивного внутреннего функционирования, здесь постоянно происходят этно-конфессиональные конфликты, гражданские войны, потеря управляемости, что еще более ограничивает их связи с мировой системой. Во многом это связано с ее современной структурой. С распадом лагеря социализма и попытками превращения мира в монополярный нынешний мировой лидер и единственная сверхдержава — США — пытается управлять системой из одного центра. Однако число суверенных государств на планете ныне превышает 200; из теории больших систем известно, что управлять таким количеством субъектов из одного центра практически невозможно. Именно поэтому происходит сужение системы путем выталкивания из нее малоприоритетных стран.

Сложность управления мировой системой из одного центра приводит и к попыткам лидера использовать в этих целях международные экономические организации — МВФ, МБРР, ВТО, группу 8 и т.п. Однако подобные организации так или иначе испытывают влияние и других стран, а к тому же имеют и собственные интересы, поэтому они не могут полностью служить только лидеру. В данных условиях он может контролировать преимущественно внешнеэкономические операции стран — членов системы. Внутриэкономические же и внутривнутриполитические процессы оказываются слабо либо вообще не контролируемы. Отсюда — упор на глобализацию, которая, ослабляя национальное государство, дает огромные преимущества наиболее развитым странам и их корпорациям.

<sup>52</sup> Saxena R. The middle class in India. Issues and opportunities // Deutsche Bank Research. Asia. Current Issues. February 15, 2010. URL: [http://www.dbresearch.de/PROD/DBR\\_INTERNET\\_DE-PROD/PROD000000000253735.pdf](http://www.dbresearch.de/PROD/DBR_INTERNET_DE-PROD/PROD000000000253735.pdf)

События, развернувшиеся после 11 сентября 2001 года, демонстрируют жесткий вариант развития мировой системы. Во-первых, США стремятся к ускоренному формированию четкой монополярной системы, причем ее лидер сумел подчинить себе большинство стран, даже тех, которые занимали по отношению к нему нейтральное или оппозиционное положение. Кроме того, Вашингтон временами совершенно открыто отбрасывает все прикрытия о совместном решении мировых проблем, а прямой диктат становится методом отношений даже с ближайшими союзниками. Во-вторых, насилие становится важнейшим инструментом «наведения порядка» в мировой системе и подчинения всех стран лидеру (Ирак, Афганистан, Югославия, Ливия и т.д.). В-третьих, конфликт, возникающий в мировой системе, развивается по С. Хантингтону — столкновения цивилизаций. Складывается впечатление, что действия против мирового терроризма умышленно направляются против ислама (Афганистан, Ирак, Сомали, Йемен, Ливия, мусульмане на Филиппинах и т.п.). В то же время даже бывшие союзники США отказываются от их безоговорочной поддержки. Однако в целом, при некотором нарастании различий между странами Запада, между ее основными центрами — США и Западной Европой, они в высшей степени заинтересованы в сохранении своего господствующего положения в системе международных экономических и политических отношений, и значительно сильнее, чем когда-либо. У Европейского Союза (речь не идет о конкретных странах) нет другой глобальной политики, помимо следования в фарватере по-

литики США. В этом плане ЕС, наподобие Японии, оставаясь экономическим гигантом, превратился в политического карлика. Это, правда, не желает признавать российская элита, которая в целом, несмотря на сильное разочарование, остается все-таки прозападной. Ее некоторое разочарование проявляется в росте скепсиса в отношении США, но отнюдь не в отношении Западной Европы. Отсюда — появление идей о возможном расколе между двумя мировыми центрами и становлении России в качестве партнера Европы. Российская элита по-прежнему свято верит в европоцентристскую «идеальную модель», испытывает очевидный комплекс неполноценности в отношении Европы и традиционно настроена крайне пессимистично в отношении собственной страны, что всегда вело к настоящему цинизму (и в дореволюционные времена, и в советский период, и сейчас). Более того, российская элита, как и элита благополучных стран не-Запада, входит в понятие «золотого миллиарда» (а низы в странах Запада в него не входят). Именно в Европе они хранят средства, нелегально выведенные из своих государств, имеют собственность, обучают наследников.

Страны БРИКС представляют основную глобальную силу, противостоящую превращению мировой системы в монополярную. Весьма сходны параметры их внешнеполитической деятельности. Гегемония Севера отвергается азиатскими гигантами и их партнерами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для них независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-

либо никак не вписывается в их планы. Не случайно при существовании такого базового противоречия между Индией и Китаем, как соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входит в тройку основных держав мира, которые имеют наименьшее количество расхождений с КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; только Россия, как правило, голосует с Китаем чаще, чем Индия, по международной безопасности.

Для США потенциально опасными являются прежде всего следующие факторы: а) азиатские гиганты не относятся к привилегированной части мировой экономической системы, а значит, они отнюдь не в восторге от правил игры, навязанных развитыми странами; б) независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью Китая и Индии, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Гегемония Запада отвергается этими странами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам.

Подобная ситуация объясняет внешний парадокс: самое активное участие Индии в формате БРИКС. Если, как отмечалось, для индийско-китайских отношений характерно наличие очень большого количества проблем, то, напротив, происходит заметное индийско-американское сближение.

Именно глобальный уровень поворачивает Дели от США в сторону БРИКС.

При этом азиатские сверхкрупные страны (это касается также Японии и Индонезии) проявляют крайнюю осторожность при осуществлении внешнеполитических действий. Жесткая, иногда сверхжесткая позиция занимает исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам, при том что Индия и КНР, бесспорно, уже вошли в состав мировых держав и превратились в особые подсистемы международных отношений, чье формирование, как представляется, было ускорено развалом мирового социализма: в жестко контролируемом мире этот процесс встретился бы с гораздо большими препятствиями. В ближайшем будущем они могут стать соперниками США в борьбе за лидерство. История повторяется — соперники появляются на периферии. Но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов. Менее вероятными кандидатами на статус глобального центра влияния являются Россия, Бразилия, ЕС и Япония.

Правда, КНР стала занимать все более активные внешнеполитические позиции за последние 2–3 года. Это, видимо, является проявлением как осознания своей реальной экономической мощи, так и недовольства Севером, который, по мнению Пекина, недостаточно адекватно реагировал на линию Дэн Сяопина, завещавшего преемникам «не высовываться». Подобное же характерно и для Бразилии. Страна, являясь полюсом антиамериканской политики в Западном полушарии, предпочитает «оппозиционные» действия осуществлять в рамках БРИКС,

Меркосур или группы Рио, а не самостоятельно.

Интересно, что все государства БРИКС можно также назвать региональными державами (под этим термином подразумевается государство, способное корректировать политику соседних стран с использованием преимущественно «мягкой силы»), к которым сейчас относится очень небольшое количество стран. В эту группу можно отнести Индию, Китай, Австралию, Бразилию и в какой-то степени Мексику, а также Южную Африку и Нигерию (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX века ряды региональных держав пополнились Россией. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло.

Следует учитывать, что под термином «регионализация» понимаются два различных явления — возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. Параллельное существование двух процессов — явление достаточно противоречивое. С одной стороны, региональные державы заинтересованы в придании формального статуса своим отношениям с сопредельными государствами. С другой стороны, наличие региональных отношений первого типа может препятствовать перерастанию их во второй тип, так как это способно нарушить характер отношений в системе ведущая держава — подчиненные (зависимые) государства, что и происходило в биполярный период. Ныне эти процессы могут не противоречить друг другу (в биполярной пери-

од наличие региональной державы, по существу, препятствовало эффективности создававшихся региональных ассоциаций), и в последнее время азиатские гиганты принимают самое активное участие в процессе регионализации. В становлении региональной державы, помимо политических, определенное значение, видимо, имеют и другие факторы — экономические, культурные и даже конфессиональные.

Региональные державы препятствуют реализации планов Вашингтона, особенно в военно-политической сфере. Так, если бы КНР не превратилась в подобный центр, вряд ли Белый дом так долго мирился бы с существованием такой страны-«изгоя» как Северная Корея. Наличие региональной державы, как правило, ядра крупной цивилизации, способствует и нарастанию культурологического отчуждения. Региональный лидер в определенном аспекте также замыкает на себе внешнеэкономические потоки. Поэтому формирование региональных держав и регионализма налагает существенные ограничения на поведение мирового лидера.

Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Как известно, процессы глобализации вызываются прежде всего неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций (именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран). Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран,

не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. За каждым процессом стоят довольно мощные силы, обладающие большим экономическим и политическим потенциалом.

Представляется, что экономические и политические факторы определяют регионализацию как ведущую тенденцию мирового развития, и весьма вероятен переход мировой системы к именно многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами — культурными, экономическими, политическими и иными. При этом, видимо, можно согласиться с точкой зрения М.Я. Бергера, что регионализация может проходить одновременно с глобализацией. Ярким примером здесь выглядит Китай, который входит в глобальную экономику и становится лидером в экономическом развитии своего региона, что происходит одновременно, а инструменты используются разные<sup>53</sup>, потому что для регионализации используется такой инструмент, как свободные экономические зоны.

**3. Информационная глобализация** развивается наиболее активно. Произошло невероятное ускорение всех процессов, начиная от скорости передвижения до скорости получения информации, «сжатие» земного шара благодаря электронным средствам связи, возрастание объема информации в геометрической прогрессии и т.д. При этом в купе с необычайным усложнением со-

временной жизни это ставит в тяжелейшее положение человека как биологическое существо. Он оказался не готов так быстро адаптироваться: за XX век произошло в этих областях больше перемен, чем за весь предыдущий исторический период<sup>54</sup>. В результате человек вновь, чисто подсознательно, стремится к определенной изоляции от чужеродных элементов и к единению с духовно близкими. Религия же в наибольшей степени отражает духовную близость (или отчужденность) регионов, стран, наций и групп населения, поскольку именно в ней отражены основные цивилизационные особенности тех или иных этносов и национальностей.

Естественно, все страны БРИКС принимают самое активное участие в информационных процессах, которые затрагивают не только непосредственно информатику, но и интеллектуальные, образовательные, культурные, психологические, идеологические и пропагандистские процессы. Во всех государствах резко возрастает количество персональных компьютеров, мобильных телефонов и прочих атрибутов информационного общества. По количеству мобильных телефонов Китай занимает первое место в мире (986 млн), Индия — второе (894 млн), Россия — пятое (236 млн), ЮАР — девятнадцатое (64 млн). На первом месте в мире КНР находится и по числу Интернет-пользователей (389 млн). Бразилия здесь занимает третье место (76 млн), Россия — девятое (41 млн), а ЮАР — пятьдесят третье (4,5 млн)<sup>55</sup>. Как отмечалось,

<sup>53</sup> Интервью с главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН М.Я. Бергером от 15 мая 2013 г. [Interv'y u s glavnyim nauchnym sotrudnikom Instituta Dal'nego Vostoka RAN M.Ya. Bergerom ot 15 maya 2013 g.]

<sup>54</sup> См.: A. Toffler. The Future Shock. NY, 1970.

<sup>55</sup> CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/> — CIA.

очень большое значение придается развитию образования, в том числе и технического высшего образования. Относительно высокие места страны БРИКС занимают и по всемирному индексу удовлетворения собственной жизнью (самый высокий показатель для стран — 8,5, самый низкий — 2,6): у Бразилии — 7,5, у Китая — 6,3, у ЮАР — 5,8, у России и Индии — 5,5<sup>56</sup>.

Что касается активной позиции в идеологической и пропагандистской сферах, то это характерно исключительно для КНР. Здесь существует политическая цензура, население ограждается от «неверной», с точки зрения властей, информации, целенаправленно пропагандируются китайский образ жизни и политика Пекина. Китай пытается принимать специальные меры для защиты своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. В КНР отлично осознают, что никогда ранее не существовало такой прямой зависимости безопасности от информации. Если ранее объек-

тивная дополнительная информация давала только некоторое преимущество стороне, ею обладавшей, то ныне эта информация прямо определяет ход и результат борьбы, непосредственно влияет на противника или конкурента. Как подчеркивают военные эксперты, основными объектами поражения в новых войнах будут информационная инфраструктура и психика противника (появился даже термин «human network»). В качестве реакции Пекина отметим, что здесь начал создаваться специальный новый род войск — информационный (в США он уже создан).

Большинство в России еще не осознано той угрозы, которую несут информационные войны и информационное воздействие. При этом есть основания полагать, что против РФ такая война уже ведется. В постбиполярный период РФ по существу не предпринимала и никаких действий по улучшению собственного имиджа за рубежом. Ее облик для всего мира формировал (и формирует) исключительно Запад, чьим основным методом было и остается полное очернение российской действительности и истории. Электронные и печатные средства массовой информации Запада поражают своей недоброжелательностью к России: в освещении ее политики практически нет позитива. Вся эта информация переправляется в страны не-Запада, где в связи с этим также ухудшается отношение к России. Дискредитация РФ опасна не только в политическом плане (очевидно, что доброжелательность населения является той базой, на которой можно развивать отношения). Это — один из факторов, обеспечивающих устранение страны как экономического конкурента Запа-

---

The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/br.html>

CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html>

<sup>56</sup> Veenhoven R. World Database of Happiness. Erasmus University Rotterdam, Happiness Economics Research Organization. URL: [http://www1.eur.nl/fsw/happiness/hap\\_nat/nat\\_fp.php?mode=8](http://www1.eur.nl/fsw/happiness/hap_nat/nat_fp.php?mode=8)

да. Видимо, было бы сложнее отстранить российские компании от участия в многомиллиардных контрактах на реконструкцию предприятий, построенных Советским Союзом в тех же Китае и Индии, если бы местные СМИ лоббировали интересы нашей страны.

Для примера можно сравнить деятельность российского и французского ВПК в отношении Индии, главного в мире импортера оружия и основного партнера РФ. Целый ряд индийских газет и журналов, издающихся миллионами экземпляров, регулярно публикуют антироссийские статьи, которые, как известно, обычно оплачиваются Францией. Россия же даже не считает необходимым отвечать на эти заказные материалы, а ведь целый ряд трагедий с российской военной техникой связан с закупкой индийской стороной контрафактной продукции для российских изделий, недостаточной подготовкой личного состава и т.д. Представители российского ВПК практически игнорируют индийские профессиональные военно-технические журналы, которые во многом формируют мнение и национальной военной элиты, и лиц, принимающих решение по военно-техническому сотрудничеству.

Практически не ведется работа с пророссийски настроенными кругами и организациями. Особенно удивляет пренебрежительное отношение к сотням тысяч лиц, получивших образование в Советском Союзе и России, хотя многие из них являются представителями элиты (интересно, что многие американские центры, направляя своих сотрудников за рубеж, обязывают их встречаться там с бывшими выпускниками).

В результате сворачивания пропагандистской деятельности России (как показывают опросы общественного мнения), хотя в странах БРИКС РФ по-прежнему находится среди самых популярных стран, отношение к ней постепенно ухудшается.

**4. Культурно-цивилизационная глобализация** показывает очевидную негативную динамику. В Лету канули все утверждения двадцатилетней давности о «конце истории» и создании моноцивилизационного мира. Наступление европейской техники, науки, образования и массовой (американизированной) культуры в настоящий момент, напротив, вызывает на Юге своеобразную реакцию отторжения. Данное отторжение может принять форму исламского фундаментализма, африканского негритюда, воинствующего индуизма и прочее. Даже в Японии происходит оживление традиционных религиозно-культурных представлений.

С конца прошлого века не-Запад переживает настоящий религиозный Ренессанс. Здесь резко усилилось влияние религии на государство и правительство. Процесс возрождения традиционных ценностей и отчуждения от многих ценностей европейской цивилизации порожден рядом разнородных причин. К ним относятся: существование значительных масс населения в системе традиционных отношений и проживающих ниже черты бедности, особенно в крупных странах, попытки части элиты достичь своих политических целей за счет запугивания образом внешнего врага, эйфория от первых несомненных успехов, размывание абсолютного превосходства европейской цивилизации и пр. Однако, возник-

нув, эти процессы начинают самовоспроизводиться. Поэтому представляется, что нарастание отчужденности в социально-психологической и религиозно-культурной сферах сохранится на достаточно длительное время. В свою очередь, эти расходящиеся цивилизационные особенности оказывают влияние на формирование механизма развития, методы и формы его деятельности и т.п. В результате возникают не только разнотипные национально-производственные структуры, но и закрепляются цивилизационные отличия.

Культурно-цивилизационные параметры очень важны для деятельности БРИКС. С одной стороны, страны, входящие в организацию, отличаются друг от друга. Для них характерна различная цивилизационная парадигма. Цивилизационное поле, на котором осуществляется общественное развитие, очень обширно — от индивидуализма (т.е. признания приоритета личных интересов), основы западного общества, до коллективизма (т.е. приоритета групповых интересов над индивидуальными), свойственного традиционному восточному обществу. Китаю, как и ряду других стран Восточной Азии, свойственен путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Для индийской и российской цивилизации свойствен *срединный путь* — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. При этом если путь Индии был достаточно четким, то для России было характерно зигзагообразное развитие, особенно в XX веке: после Октябрьской революции была попытка встать на коллективистский путь, а после развала СССР — на индивидуалистский.

С другой стороны, многое объединяет страны БРИКС. Анализируя цивилизационные факторы, обосновывающие претензии Китая и Индии на мировое лидерство, следует учитывать, что в этих странах нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Севера. Его не было ни в период английского господства в Индии, ни в начальные годы после достижения независимости (тогда это была одна из беднейших стран мира), ни в период полуколониального положения Китая и расчленения его территории на зоны влияния, ни в период зависимости от Советского Союза, когда И.В. Сталин был в состоянии диктовать кадровые перемены в китайском руководстве. В азиатских гигантах отсутствует осознание приниженности, и как следствие этого — проявления подобострастности или, напротив, агрессивности. Индия и Китай — две величайшие цивилизации мира, и они (вместе с Древним Египтом и некоторыми другими) олицетворяли человеческое развитие в течение четырех тысяч лет, что никогда не забывалось в азиатских государствах. Не следует забывать, что гегемония Севера насчитывает не более 300 лет, и в Азии не воспринимают европоцентричный взгляд на мир и его историю. Индийцы и особенно китайцы относились к диктату Севера как к временному явлению (понятие времени отличается от европейского у китайцев в корне, а у индийцев — в некоторой степени).

По существу, подобная ситуация стала складываться и во многих других странах Юга, в том числе в Бразилии и ЮАР. Успехи в экономическом развитии, наряду с рядом политических событий (корейская, вьетнамская, афган-



ская и др. войны), изменили отношение афро-азиатских народов к европейской цивилизации. В экономическом плане они продемонстрировали способность конкурировать на чужих рынках и поддерживать более высокие темпы роста, в том числе и душевого дохода. С военно-политической точки зрения превосходство европейской цивилизации оказалось далеко не бесспорным: в лучшем случае европейско-американским силам удалось сохранить лицо. В техническом плане они показали способность не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования: самостоятельное создание ядерного оружия в Китае и Индии — наглядный тому пример. В данных условиях прежняя приниженность и преклонение перед европейцами исчезли. Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран является базой для появления даже определенного комплекса превосходства над европейской цивилизацией.

Важно и то, что гегемония «белых» цивилизаций и культур в последние два века не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Общая история и единство задач, проистекающие из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, также, безусловно, цементируют узы стран Юга, в том числе и Индии с Китаем. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют

узы стран Юга. Все это приводит к тому, что другие крупнейшие державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т.д.) с геополитической и психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Российская цивилизация, с культурологической точки зрения, всегда была более близка к западной, но отличалась исключительным своеобразием. На первом этапе существования государственности у восточных славян Русь была составной частью европейской цивилизации и была практически изолирована от Юга. Не случайно в древней русской литературе фактически нет сюжетов, заимствованных с Востока. Татаро-монгольское нашествие и необъявленный крестовый поход Римской католической церкви против Руси привели к раздроблению последней и возникновению враждебной польско-литовской унии, которая отрезала Московию от Запада. На три столетия были прерваны практически любые связи. На Руси стала формироваться своя, совершенно особая цивилизация, отличная и от западной, и от восточной. Активное развитие контактов с Югом и Востоком привело к превращению Руси в евразийскую державу. Насильственная модернизация и вестернизация, осуществленная в начале XVIII века императором Петром I, приблизила Российскую империю к другим европейским державам с точки зрения формы. Но эта попытка привела к появлению

двух разнородных и часто противоречащих друг другу культур в России — верхов и низов, что сыграло самую негативную роль в дальнейшем. Одним из частных проявлений этого культурологического разлома и некритически проводимой вестернизации стала тенденция идентифицировать себя исключительно по отношению к западному стандарту, который неизбежно признавался за эталон. Такое отношение и было одним из факторов, приведших в начале века к победе марксизма (не надо забывать, что марксизм — западное явление), а в конце века — к строительству «дикого капитализма», основанного на крайнем индивидуализме, культе потребления и силы (и одна, и другая концепция были доведены в российских условиях до крайности).

В принципе, по культурно-цивилизационному параметру положение России выглядит предпочтительнее, чем у других стран Севера. Россия всегда в корне отличалась от любой другой империи — от Римской до Британской. В ней никогда не существовало народа-эксплуататора, а русские не имели больших прав, чем неславянские национальности. Российская периферия не грабилась, зачастую дотировалась, а местные элиты целиком включались в общероссийскую. Если и была определенная дискриминация, то практически исключительно по религиозному принципу. В советский период страна неизменно поддерживала Юг в его противостоянии Западу (другое дело, по каким мотивам). Все это предопределяет достаточно доброжелательное отношение к России и русским в зоне Юга, что показывают все социологические опросы.

Культурно-цивилизационные особенности китайского, индийского и российского обществ способствуют укреплению позиций гигантов и в том плане, что ряд школ их философии издавна придавал большое значение человеку, его гармоничному совершенствованию и развитию моральных идеалов. Для индийского и китайского обществ в целом никогда не были характерны избыточная агрессивность и нетерпимость, свойственная некоторым другим восточным цивилизациям (повидимому, данное обстоятельство не берется в расчет при регулярно появляющихся прогнозах о возможном в будущем начале Пекином мировой войны). Для Китая на определенных этапах истории было свойственно стремление к самоизоляции и достаточно презрительное отношение к окружающему миру, но представляется, что в настоящий момент, после всех уроков XX века, этот культурологический пласт не оказывает серьезного воздействия. Соответственно, и в Индии колониальный период «растворил» ощущение своего превосходства и восприятие других как «варваров». Сейчас индийцы и китайцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта.

Однако в целом, как и на всем Востоке, он воспринимается достаточно критически, особенно в политической сфере. Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась воспринимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических измене-

ний в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире модель, соответствовавшую западному прообразу.

По сравнению практически со всеми странами не-Запада, наиболее соответствует большинству западных политических параметров Индия. Этому способствовали две основные группы факторов: определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и методы колониального управления. Большинство же стран лишь имитирует западную политическую модель. В ходе «третьей волны демократизации» лишь наиболее развитые в социально-экономическом плане государства провели реальную демократизацию, в подавляющем большинстве стран демократия стала абсолютно формальной. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего все нагляднее показывают, что даже Япония в целом все-таки относится к понятию «не-Запад». Китай и не стал проводить

никаких изменений в политической форме.

В современном мире впечатляющих социально-экономических успехов страна может добиться, только если в ней была выбрана стратегия развития, применяющая достижения и опыт Севера, но при использовании и строгом учете цивилизационных особенностей данной страны.

Принимая во внимание колоссальные экономические успехи азиатских гигантов в последнее время, представляется, что России необходимо самым тщательным образом использовать опыт их стратегий. Особенно важно было бы осуществление коренного разворота к освоению внутреннего рынка, к резкому усилению вмешательства государства в экономические и социальные процессы, к увеличению инвестиций в человеческий капитал, к учету традиционных цивилизационных ценностей.

Речь не идет о полном отказе от заимствования достижений Севера (и тем более об автаркии и сужении сферы сотрудничества с западными странами), что лишь усугубит социально-экономическую и политическую обстановку в стране.

## Страны БРИКС в процессах глобализации

**Лунев Сергей Иванович**, доктор исторических наук,  
профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

***Аннотация.** Глобализация остается определяющей тенденцией мирового развития, причем наиболее явно она проявляется в экономической сфере. Наряду с ней выделяются также политическая, информационная и культурно-цивилизационная глобализация. Стремительное развитие глобального хозяйства, инициированное Западом, привело к перераспределению экономического влияния — все большую роль в нем играют незападные, прежде всего азиатские, страны. В этой связи показателен опыт участия в глобализационных процессах го-*

сударств БРИКС, прежде всего Китая и Индии. Эти две страны достигли существенных успехов в развитии за счет интеграции в мировую экономику без отказа от активной роли государства в регулировании общественных и хозяйственных процессов. Изучение стратегий партнеров по БРИКС представляет существенный интерес для России.

**Ключевые слова:** экономическая глобализация, государственное регулирование, научно-техническое развитие, Китай, Индия, Россия, США.

## BRICS Countries In Globalization Processes

---

**Sergey Lunev**, Ph.D. in History, Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO-University

**Abstract.** *Globalization remains the crucial trend of global development, and it is especially evident in economic sphere. Apart from it, political, informational and cultural globalizations are actively discussed. The rapid development of global market, initiated by the West, paradoxically, fostered redistribution of economic influence towards the non-Western countries and primarily to Asia. Therefore, the record of participation of BRICS states (China and India, primarily) in global processes is instructive. These two countries achieve significant developmental successes due to their integration in world economy without abandoning active participation of their government in regulation of economic and social activities. Analysis of the strategies adopted of other BRICS countries could appear quite useful for Russia.*

**Key words:** *economic globalization, state regulation, scientific development, China, India, Russia, USA.*